



Глава 1

PIPA THE TERRIBLE

Хроника январского утра

Квартира Дурневых. Где-то на грани между поверхностным сном и глубоким маразмом. 6.50. За окном тоскливая зимняя темно-синь.

6.51. Шпингалет отщёлкивается сам собой. Дверь лоджии распахивается. Стёкла в рамах дребезжат нечто нескончаемо виртуозное в духе Листа.

6.52. Пипе Дурневой становится холодно. Её не в меру упитанная нога с помидорного цвета пяткой втягивается под одеяло.

6.53–6.57. По комнате кто-то крадучись ходит, спотыкаясь о золотых тигров и не золотых, зато до-

бросовестно выпотрошенных ятаганом плюшевых медведей. По стене прыгает ломкая тень, сжимающая в руке нечто злое, похожее на копье македонских непобедимых фаланг...

6.57. Пипа Дурнева начинает испытывать смутное беспокойство, но ленится открыть глаза и лишь глубже зарывается в подушку.

7.00. Пипу точно трубный глас настигает назойливый писк электронного будильника. Она свешивает ноги с кровати, озирается, видит тёмную фигуру, всматривается, а спустя мгновение парадную тишину правительственного дома раскалывает жуткий крик.

7.01. Вспыхивает свет — бросаясь к двери, Пипа полусознанно цепляет рукой выключатель. Неопределённость ночи уступает хмурой определённости утра.

* * *

Из коридора Пипа опять оглянулась, и её нечеловеческий вопль перешёл в удивлённый и даже восторженный взвизг.

На краю дивана, попиравшего дубовый паркет кривоватыми, но благонадёжными чёрными ножками, сидел Гурий Пуппер. Он выглядел подавленным. На носу у него красовались подклеенные скотчем очки — номер первый из уникальной пупперовской коллекции поломанных очков. Длинная метла стояла в углу, подтекая тающим снегом.

Приседая от любопытства, Пипа вернулась в комнату и поспешно юркнула под одеяло. Она не хотела, чтобы у Пуппера была возможность созерцать её пи-

жаму. Это была агитационно-предвыборная фланелевая пижама, украшенная портретом её папочки и лозунгом «Загрызу за гуманность!» на спине.

Но Гурию было не до пижамы. Он страдал. Нижняя челюсть у него тряслась. Взгляд дико блуждал по стене, спотыкаясь о пёстрый рисунок обоев.

— Это конец! Она меня бросила! — тоскливо сказал Гурий.

Кося лиловым глазом, Пипа сочувственно выглянула из-под одеяла.

— Это навсегда, я знаю! Моя тётя, которая снится магвокатам, была права: нам не быть вместе! — ещё надрывнее произнёс Пуппер.

Холодная капля туманного происхождения скользнула вдоль благородного английского носа, запуталась в носогубной складке и упала Пипе на ногу.

Пипа сглотнула. Она с утра неважно владела голосом.

— Бедный! Кто бросил-то? — спросила она хрипло.

— Татьяна... Твоя sister. Она перевернуться к свой старый бойфренд! — воскликнул Пуппер, от огорчения теряя все русские падежи и склонения.

— А кто у неё бойфренд? — жадно спросила Пипа, равнодушная к такого рода подробностям.

— О, я он почти не знай! У него кошмарный русский фамилий! Вайлялькин! Джон Вайлялькин! — с омерзением выговорил Гурий и уронил голову на руки.

«Ишь ты, новый какой-то! Видать, того щекастого с пылесосом она тоже продинамила! Вот бы не поду-

мала, что занюханная Гроттерша окажется подобной стервой!» — подумав, заключила Пипа.

В устах Пипы, как и в устах её мамочки, слово «стерва» звучало почти как похвала. Это было несомненное признание достоинств.

— Вайлялькин — есть увалень. Он не стоит один палец Таня... Он околдовал её магией вуду и теперь разобьёт ей жизнь. Он будет пить водка, а её заставит целовать слюнявый старикашка, чтобы получать за это дырки от бублик, — убеждённо заявил Пуппер.

— Откуда ты знаешь? — удивилась Пипа.

— Мне рассказал об этом тётя Настурция! Она изучал психологию. Её диссертация называться «Мир как большой помойка». Она читал мне её перед сном, когда я был чайлд, — убито сказал Пуппер.

Он то затухал, впадая в бездну уныния, то, как проснувшийся вулкан, начинал извергать укоры и проклятия. Неглупая Пипа сообразила, что Гурий может теперь пребывать в таком настроении до бесконечности.

«Интересно, а ко мне он чего прилетел? На Гроттершу жаловаться? Что ж, от слёз в жилетку до новой любви один шаг!» — цинично решила про себя Пипа, маскируя зевок под очаровательнейшую из улыбок.

Пуппер ничего не заметил. Улыбка улетела в молоко.

— Вайлялькин просто деревенщин! Он не следит за свой внешний вид! От его кошмарный жёлтый тряпка пахнуть гарпий! Как Таня могла выбрать его по добрый воля и с трезвый голова! — сказал Гурий.

— Прямо в самую точку!.. Умничка, Гурий! Но, строго между нами, у Таньки никогда не было вкуса. Я ей, например, никогда не нравилась, — промурлыкала Пипа.

Пуппер задумчиво потёр пальцем свой шрамик в форме копирайта и вновь затух. Довольная Пипа осознала, что попала в цель, подтвердив скрытые опасения Гурия. Теперь стоило только выждать время, когда яд её слов начнёт положительно действовать на мозги англичанина.

Забившись поглубже под одеяло, дочка Дурнева достала из-под подушки зацелованный портрет Гэ Пэ и стала придирчиво сравнивать его с оригиналом. Пока она сравнивала, оригинал вздыхал и, страдая, грыз ногти. На подбородке и щеках у Гурия пробивалась колючая, явно не раз уже тронутая бритвой щетина, которую журналисты упорно именовали юношеским пушком. М-да, как ни крути, мальчик подрос — неудивительно, что его всё время тянуло жениться.

Спустя минуту Пипа окончательно утвердилась во мнении, что актёр, играющий Гэ Пэ в кино, безусловно, симпатичнее. Однако этот Пуппер выгодно отличался от того Гэ Пэ уже тем, что был настоящим. В том, киношном, магии было не больше, чем в банке из-под обувного крема.

«С клиентом всё ясно! Будем брать тёпленьким!» — заключила Пипа и небрежно сунула фото под подушку. Фотография утратила свою ценность. Дурнева-младшая нацелилась на оригинал.

— Гурий, — заворковала она, — давай поговорим серьёзно! Зачем тебе Гроттерша? Она чёрствая, как подошва!.. Тебе нужен кто-то, кто понимает твой сложный внутренний мир: мётлы, драконбол, комиксы, конфетки с запахом тухлых сливок! И потом, тебе уже семнадцать! Где этой тупой тибидохской хамке удовлетворить твои интеллектуальные запросы? Да она даже дезодорантом пользоваться не умеет! Я не рассказывала тебе, как она брызнула дезодорантом на волосы, перепутав его с лаком?

Пипа замолкла и зыркнула на Пуппера, проверяя, потрясло ли его это сообщение.

Но едва ли Гурий даже слышал её. Его сознание совершало свой собственный забег. Внезапно он вскочил. В глазах у него запылал демонический огонь, свидетельствующий то ли о наличии в роду тёмных магов, то ли о богатой фосфором рыбной диете.

— Я понял! Я вызову его на дуэль! Пуф-пуф из кольца — и нет Джон Вайлялькин! — крикнул он страшным голосом.

Это чудо, что Дурневы не проснулись ни теперь, ни прежде, когда вопила Пипа. Должно быть, это заслуга ватных затычек Германа Никитича и наушников его супруги.

С этими наушниками была отдельная история. Не так давно мадам Дурнева купила звуковой гипнокурс «Похудей с музыкой». Всю ночь в наушниках у неё переливался инструментал, на фоне которого убеждающий мужской голос страстно нашёптывал с частотой четырёхста слов в минуту: «Какая у тебя чудесная фи-

гура, дорогая! Я ненавиж-жу мучное... Я ненавиж-жу жиры и углеводы! Меня тошнит от котлет!» По утрам загипнотизированная Нинель Дурнева сильно задумывалась, прежде чем вонзить вилку в первую за день индейку. Её била нервная дрожь. Как-то ей почудилось, что курица в бульоне укоризненно шевельнула ножкой, будто пыталась сказать: «За что? Куда мы все катимся!» Мадам даже стала поститься с обеда до полдника, чего прежде с ней никогда не случалось.

— Берегись, Джон Вайлялькин, колдун-вуду! Я буду испепелять тебя в пух и прах!!! Моё кольцо не ведать промах! — снова крикнул Пуппер.

Откликаясь на его призыв, такса Полтора Километра завyla из-под дивана. Из дальней комнаты ей немедленно откликнулся Халявий. Да-да, именно Халявий... Оборотень не пожелал возвращаться в Трансильванию даже после утраты посоха. В мире лопухоидов ему нравилось куда больше. Внучок бабы Рюхи даже вознамерился устроить личную жизнь и требовал у Германа Никитича, чтобы тот дал в газету объявление:

Мужчина редкой, запоминающейся внешности и уникальных нравственных качеств желает познакомиться с полнокровной женщиной средних лет для совместных прогулок под луной. Звонить по телефону 8-916-XXX-XX-XX, кр. полнолуний и полудня.

Особенно Халявий гордился тем, что в объявлении не содержалось ни капли лжи. Внешность у него действительно была запоминающейся, а нравственные

качества — уникальными. Что же касается полнолуний и полдня...

— В полнолуние я того... загрызть ненароком могу. В полдень же у меня крыша едет, — смущённо пояснял Халявий.

«Он меня даже не слышал!» — огорчённо подумала Пипа, разглядывая Пуппера, который продолжал бросать вызов Ваньке с такой энергией, словно Валякин прятался в шкафу и наотрез отказывался выходить.

Пенелопа энергично отбросила одеяло, вскочила и почти насильно принялась гладить развоевавшегося Пуппера по жёстким тёмным волосам. Удивлённый Гурий отпрянул было, но внезапно обмяк и, вздрагивая спиной, уткнулся лбом ей в плечо. Для этого ему пришлось основательно ссутулиться. Пипа была на полторы головы ниже, зато вдвое шире Гурия. Руки и лоб у англичанина были холодными и влажноватыми, как у русалки, зато Пипа обжигала, как масляный радиатор.

В целом эта парочка могла напомнить чету Дурневых, а заодно навести кое-кого на кое-какие мысли.

«О-о! Птичка уже на насесте!» — обрадовалась Пипа, прекращая тревожиться из-за пижамы. Пупперу было явно не до этого.

Пипа уже торжествовала, но тут Гурий отстранился и с ударением на последний слог деловито окликнул:

— Пипа!

Дочка председателя В.А.М.П.И.Р. вздрогнула. Она не привыкла к такой переделке своего имени на французский лад.

— Пипа, я хочу попросить у тебя что-нибудь из детских вещей Тани!

— Зачем? — неприязненно спросила Пипа.

— Я очень прошу! Хотя бы что-то незначительное!

— Я что, похожа на свинью-копилку? Станем мы всякое барахло хранить! Мамуля Танькино шмотье сто лет назад вышвырнула, — огрызнулась расстроенная Пипа.

— Вдруг остался хоть что-то! Подойдёт любой вещь... Это поможет мне перенести разлук, — напирал Гурий. В нём, как во многих иностранцах, наивность удивительным образом сочеталась с практичностью, а сентиментальность с расчётом.

Пипа закусила губу. Ей стало ясно, зачем на самом деле Гурий повторно явился в Москву в пятый день нового года. Жилетка жилеткой, а дело делом — очень здравый подход. Мальчик со счётом в банке отлично знал, что ему нужно.

— Пипа, я тебя умолят! Я так несчастный! Хоть какой-нибудь слюнявчик, хоть бутылочка, хоть погремушка! — вновь взмолился Пуппер.

Дочка Германа Никитича скрестила на груди руки.

— Вот уж не думала, что великого Гурия Пуппера можно осчастливить погремушкой!.. Да пожалуйста! Если что найдём — всё твоё! — произнесла она с холодностью холодильника «Бош».

Отвернувшись, Пипа рывком открыла шкаф и сердито принялась рыться в вещах. Заламывая руки, Пуппер раздражающе маячил у неё за спиной. После

продолжительных и безрезультатных поисков Пипа догадалась встать на стул и заглянуть на верхнюю полку, где мать хранила всевозможные семейные реликвии: крошечные ботинки, в которых Пипа когда-то сделала первый шаг, её первую панамку и жвачку «Сладкий цемент» с навеки застрявшим в ней первым молочным зубом Пипы. И вот тут... тут Пипе улыбнулось счастье. Она оглянулась на Пуппера, быстро скользнула взглядом по его лицу и, пожав плечами, сказала:

— Тебе не повезло. Слюнявчики закончились. Зато есть ползунки... Сойдёт?

— Yes! — взволнованно ответил Пуппер.

— Чудненько. Тогда лови! — скомандовала Дурнева-младшая, бросая Гурию ползунки, украшенные божьими коровками.

Гурий подпрыгнул и с ловкостью профессионального драконболиста перехватил ползунки в воздухе. Его лицо моментально стало героическим, плечи распрямились, даже подбородок укрупнился, отвердел и приобрёл мужественную ямку.

— Ну, Джон Вайлялькин, не ты один можешь использовать магию вуду! Знай же, я верну себе Таню, хочешь ты того или нет! — воскликнул он, потрясая ползунками.

Скомканно и невнимательно попрощавшись с Пипой, Гурий уже отправился за метлой, но тут... тут такса Полтора Километра внезапно визгливо залаяла на окно. Она поджала хвост и, стуча когтями по паркету, целеустремлённо побежала прятаться под диван.

Пипа с тревогой проводила её взглядом. Она знала, что старая калоша никогда не паникует почём зря.

Дверь на лоджию распахнулась, впустив морозный воздух. В комнату, спрыгнув с ковриков, ворвались два магнотизёра. Один был приземистый и рыхлый, с сальными волосами. У другого, молодого и вертлявого, по всем признакам — большого ловеласа, к щеке была зачем-то приклеена бумажка. У них за спиной, перебирая на животе чётки, завис на метле магвокат. Его большое горбоносое лицо, казалось, выражало крайнее благородство, однако в глазках явно проглядывало что-то ханжеское и лукавое.

— Уф, свава Двевниву! Вот ты где, Гувий! Как тебе не стыдно? Ну и заставив же ты нас пововноваться! — добродушно сказал магвокат, грозя Пупперу тонким пальцем.

— Проклятье, они меня выследили! Это Хадсон, наш семейный магвокат! — шепнул Гурий оцепеневшей Пипе и быстро спрятал руки с ползунками за спину. — Я не звал вас, Хадсон! Летите откуда прилетели! — громко сказал он.

— Ах, Гувий, когда же ты певестанешь быть вебенком?.. Нас послали твои тётки: тётка Настувция и двугая тётка, чья добвота не знает гваниц. Они так ствадают... Тётка Настувция даже певестава спать посве завтвака. Она купива ядовитых чевнив и пишет ваботу «Чёвная небвагодавность и её вовь в воспитании вичности».

— Нет!

— Да, Гувий, да... Боюсь, тебе пвидётся пвойти с нами! Будь мувчиной и имей мувество взгвянуть

в гваза тётям!.. Вучше, есви мы обойдёмся без наси-
вия, — мягко, но настойчиво произнёс магвокат.

Он скользнул по Пипе оценивающим взглядом и сразу потерял к ней интерес. Лопухойды мало его интересовали.

— Ни за что! В этом мире вы не имеете права применять боевую магию! — пятясь, заупрямился Пуппер.

— ГУВИЙ! Не заставляй меня севдиться! Повевь, мы обойдёмся и без боевой магии! — повысил голос магвокат, подавая знак магнетизёрам.

Пуппер рванулся было к метле, но магнотизёры оказались проворнее. Сомкнувшись вокруг Гурия, они вежливо, но очень крепко подхватили его под руки.

— Смотри нам в глаза, маленький сладенький Пупперчик! Расслабься, для тебя ничего не интересно! Мальчик хочет домой к тёте Настурции и к другой тёте, чья гуманность велика как океан, а великодушие громаднее слона... — поигрывая стеклянными шарами, заныли магнотизёры.

Магвокат снисходительно погладил Гурия по щеке.

— Двуг мой! Повевь, так будет вучше дя тебя! Небовышая коввекция памяти, и ты снова наш — мивый, пведсказуемый Пуппевчик, квоткий, как дохвый бавашек! — сладко сказал магвокат.

— НЕЕЕЕЕЕТ!

Пуппер из последних сил лягнул в голень одного магнотизёра, оттолкнул другого и, ослабевав от гипноза, рухнул на ковёр.

— Не отдавай меня, Пипа! Я не хочу забывать

Таню, не хочу забывать тебя, не хочу к противным тёткам! — взмолился он, простирая руки к Пипе.

Дурнева-младшая, не совсем ещё опомнившаяся после внезапного появления у неё в комнате трёх взрослых мужчин, собралась с духом и шагнула вперёд.

— Не вмешивайся, двянь, или пожавеешь! Я запосто смогу певватить тебя в мовскую свинку! — прошипел магвокат. Зрачки в его добрых прежде глазках исчезли. Теперь там полыхало адское пламя.

Пенелопа отпрянула.

— Пипа, ради меня! Я знаю, я тебе дорог! — вновь взмолился Гурий.

Он титаническим усилием попытался встать, но смог лишь со стоном приподняться на руках. Глаза Пуппера слипались — гипнотическая магия уже сделала своё дело. Торжествующие магнотизёры наклонились, собираясь поднять Гурия и погрузить его на ковёр-самолёт. Молодой магнотизёр с бумажкой уже заботливо смахивал с ковра снег, чтобы Пуппер, не дай Древнир, не простудился бы и не огорчил этим своих тётъ.

Пипа решилась. Вся её любовь, все поцелуи, которыми она несколько лет покрывала рамку с фотографией, — всё алкало теперь возмездия.

— Держись, Гэ Пэ! Я иду! — крикнула она, в решительнейшую из минут прибегнув к этому любимому и более привычному для неё имени.

В блестящем прыжке лосося, аналогу которому можно было отыскать разве что в ирландских сагах, Пипа вцепилась в руку Гурия и дёрнула его на себя.

Точно так же её мама Нинель однажды отвоевала папу Германа у его секретарши, которая имела фигуру богини и глаза персидской кошки. У Нинели не было ни фигуры, ни соответствующих глаз, но Герман — потрёпанный, но живой, остался в полной её власти. Секретарша же — гм... впрочем, сдержусь. Хоть это и не тот случай, когда о людях говорят или хорошо, или ничего.

От неожиданности магнотизёры отпустили было Гурия, но почти сразу, опомнившись, ухватили его за ноги и потянули к себе.

— Это что ещё за фокусы? Конкувенты? Пвочь отсюда, девчонка! — брезгливо сказал Хадсон и с нехорошей улыбкой поднял руку, явно припоминая закливание.

Пипа ощутила, как влажная ладонь Пуппера выскальзывает у неё из руки. У неё не хватало сил удерживать её. Всё-таки два взрослых магнотизёра и магвокат были сильнее четырнадцатилетней девчонки.

— Гэ Пэ, нет, Гэ Пэ! Ты мой! А вы пошли прочь, пока я вас не укукошила! — со слезами крикнула Пипа.

Из последних сил она вцепилась в ускользающую руку Пуппера. Магнотизёры хладнокровно дёрнули Гурия на себя и стали деловито укладывать его на коврик. Пипа стиснула уже пустую ладонь и внезапно ощутила в ней что-то твёрдое и прохладное. Соскользнувший с пальца перстень Пуппера, перстень Гэ Пэ!

Голова у Пипы закружилась. В груди, точно девятый вал с картины Айвазовского, поднялся гнев. Она с трудом стояла на ногах, ощущая, как внутри у неё

зарождается какая-то неведомая сила. Сила такая могучая, что Пипу распирало изнутри.

— *Парус спускалус!* — крикнул магвокат Хадсон, первым заподозривший неладное.

Красная искра помчалась к Пипе. Но дочка дяди Германа увидела почему-то не искру, а четыре скрещённые молнии. Не задумываясь, что и зачем она делает, Пенелопа мысленно свернула их и отбросила в сторону. А потом, выбросив кулак со сжатым в нём кольцом, крикнула страшным голосом:

— А вы все прочь! Проваливайте на кудыкины горы собирать помидоры! Мой сладкий Гэ Пэ! Ни-кому его не отдам!

И что-то такое грозное появилось в её голосе, что даже наглые магнетизёры пугливо отпрянули, впервые в жизни испугавшись четырнадцатилетней девчонки. Один из них даже уронил стеклянный шар. Хадсон уставился на свой перстень и потряс его, не понимая, почему не сработало заклинание.

— Что ты сдевава с моей магией? Ах ты, уводи-на! — удивлённо и вместе с тем испуганно воскликнул он.

Пипа окончательно взбесилась. К своей внешности она относилась трепетно. Можно даже сказать, болезненно. Магвокат со своим презрением к лопухоидам переступил ту грань, которую переступить было никак нельзя.

— ВО-О-ОН! ПРОЧЬ, КОМУ СКАЗАЛА! Убирайтесь к вашим тёткам! — завизжала дочка председателя В.А.М.П.И.Р.

Раздувшийся чёрный кокон ненависти, накопившийся у Пенелопы к похитителям «сладкого Гэ Пэ», лопнул. Из стиснутого кулака дочки дяди Германа вырвался красный луч, ослепительный, как прожектор на маяке. Оба магнетизёра и магвокат не успели отпрянуть.

— О Двевнив, нет! Она нас убьёт! — успел только крикнуть Хадсон.

А ещё мгновение спустя на полу остался лишь ковёр-самолёт с погружённым на него Пуппером, три вороха одежды и вставная челюсть мистера Хадсона.

Гурий рывком сел. Он выглядел ничуть не менее напуганным, чем мистер Хадсон за секунду до своего исчезновения.

— Нет, Пипа, хватит! Прошу тебя, достаточно! Больше не надо! — крикнул Гурий в ужасе.

Пипа очнулась. Её ладонь разжалась. Кольцо выкатилось на пол. Пуппер поднялся с коврика и дико уставился на Пипу. Потом вдруг расхохотался, да так, что замотанные скотчем очки подскакивали у него на переносице.

— Колоссально!!! Ты владеешь интуитивной чёрной магией! Сколько же её в тебе, если ты обошлась без заклинаний! — воскликнул он.

— Чего? — недоумённо переспросила Пипа.

— Да-да... Разумеется, я слышал, что магия может пробудиться в лопухоиде или в том, кого считали лопухоидом, в любом возрасте, но чтобы с такой силой! В чародейской практике таких случаев one-two и обчёлся — их заносят в справочники, они становятся легендой! — продолжал восхищаться Пуппер.

Пенелопа посмотрела на свою нелепую пижаму, пошевелила большими пальцами ног и хмыкнула.

— Я владею чёрной магией? — спросила она хрипло.

— А чем же ты их снесла? Не праздничным же пирогом? Ты сама хоть что-то ощутила?

— Не-а... Я возмутилась, а потом вроде как вижу перед глазами четыре серебристые молнии. Я их мысленно сплела и отбросила. Типа, нечего тут сорить, не у себя дома, — неохотно буркнула Пипа.

— Ого! Ты отразила атакующую магию Хадсона, а потом выбросила хаотическую магическую волну невероятной мощи. Вон смотри, на обоях вместо цветочков появились гильотинки! Несчастные магнотизёры!

— Я их испепелила? — встревожилась Пипа.

Пуппер снова принялся хохотать:

— О нет, к счастью! Хотя могла бы и испепелить! Ты крикнула «убирайтесь к вашим тёткам!». Я уверен, для интуитивной магии это прозвучать как сигнал к телепортации. Бедняга Хадсон!.. Если бы он тебя не разозлил, возможно, магия в тебе и не пробудилась бы... А тут ещё моё кольцо! Хадсон! Для такой специалист сесть в такой глубокий луж! Воображаю, что будет, когда он появится перед тётей Настурцией в чём его родила мать! Перед тётей Настурцией, которая даже душ принимает в водолазном костюме!.. Ну-ка посмотрим!

Гурий взял метлу и разгрёб её черенком ворох одежды.

— Вон и противосглазовые жилетки валяются — ничего не помогло. А ведь ты не знаешь ни одного

заклинания! О Пипа! You are wonderful! Если бы не ты, меня точно упекли бы к тёткам, а так пускай ещё поймают! Я, конечно, вернусь к ним, но вернусь победителем, а это большая разница! До встречи, Пипа! Я так тебе благодарен! — сказал он, подбирая с пола своё кольцо.

Гурий попрощался, на этот раз очень тепло, благодарно клюнул влажными губами Пипу в щёку и улетел на метле, прижимая к сердцу ползунки с божьими коровками.

— О Таня! Таня! Ты будешь моей! Я ощущаю твоё биополе, такое горячее, такое родное! — шептал он, думая уже совсем о другом.

Пипа стояла у окна, провожая Гурия растроганным взглядом и ощущая на щеке его поцелуй. Внезапно дочка дяди Германа хихикнула, крайне довольная.

Наивный Пуппер! Неужели он думал, что мамуля стала бы держать у себя дома ползунки жалкой Гроттерши? Разумеется, Пипа впихнула ему свои!



Глава 2

СНОГШИБАТЕЛЬНАЯ МАГВОСТЬ



Таня Гроттер сидела за самым дальним столиком библиотеки джинна Абдуллы. Ощущая её огорчение, столик то и дело подпрыгивал и подгибал одну из ломких ножек. По слухам, все столики в библиотеке были заколдованными принцами, некогда неудачно попытавшимися вступить в брак с царевной Несмеяной. Учитывая, что упомянутая царевна давно почила (смерть её была нелепа: впервые в жизни расхохотавшись, она подавилась крошками), принцев стоило бы расколдовать и отпустить восвояси, однако корыстный Абдулла тянул резину и, утверждая, что библиотека останется без мебели, зажил с дюжину столиков.

Перед Таней на столике лежало её письмо к академику Сарданапалу, в котором она просила перевести её на белое отделение. Письмо только что доставил ей в зубах сердитый золотой сфинкс. Внизу письма помещалась резолюция пожизненно-посмертного главы Тибидохса. Размашистые, со старомодными завитками буквы, покачивающиеся точно волны, сообщали: **«Преждевременно. Черноморов».**

— Ну и ладно! Подумаешь, беленькие! Не очень-то и хотелось! Зелёненькие искры пускают, великих учёных из себя корчат! — громко сказала Таня.

Подпись Сарданапала щепетильно вильнула рошчерком и растаяла. Таня хмыкнула. Она добилась того, к чему стремилась: продемонстрировала академику, что ничуть не огорчена. Вот только стало ли ей от этого легче?

В Тибидохсе заканчивалась первая неделя зимних каникул. Каникулы, как казалось Тане, выдались на редкость бестолковыми. Даже новогодние подарки не радовали. Ванька продолжал на неё дуться. Нет, внешне всё было как будто в порядке — он здоровался, порой даже улыбался, но внутренне — Таня это ощущала особенно остро — до сих пор не простил её.

Таня вертела в руках перо: самое заурядное, почти не магическое, перо Финиста — Ясного сокола. Такими перьями пользовались многие. Их с лёгкостью можно было обнаружить по всему Тибидохсу. Финист — Ясный сокол не искал лёгких путей. Он предпочитал пролетать сквозь стёкла, а то и сквозь ножи, даже если поблизости, всего этажом выше, было открытое окно. Кстати, в чью светлицу он летал, до сих пор не выяснили. Некоторые смутно намекали на Медузию, некоторые, более тактичные, — на какую-то таинственную девицу, заточённую где-то в тибидохских лабиринтах.

И всё равно Таня упорно прибегала к неудобному перу Финиста, хотя прежнее перо Жар-птицы снова

было у неё. Ванька вернул его, но Таня просто не могла к нему притронуться — перо напоминало ей о собственной глупости.

Так мне и надо! — быстро писала она в своём дневнике. — Единственный раз мне повезло, а я просто-напросто побоялась быть счастливой. Подозревала его, каждую секунду, ожидала беды — и вот оно! Почему я не ценила то, что есть? Или это Дурневы научили меня жить всё время в напряжении, видеть во всём только плохое и ожидать подвоха? Хотя при чём тут они? Я сама во всём виновата! Вот и сейчас — каникулы, а я как дура сижу в библиотеке и словно наказываю себя за что-то! Когда же я наконец смогу расслабиться и перестану себя грызть?

А теперь вот Зализина вертится вокруг Ваньки — вся такая насквозь проблемная, несчастенькая. Всё у неё наперекосяк — и без Ваньки, само собой, никуда. То у неё кукушка лапку подвернёт, то ей снится какой-то зловецкий молот, то вдруг шкаф развалится. И разумеется, надо сразу к Ваньке бежать — Ванечка то, Ванечка сё! Нет, я ничего, мне просто интересно — каким закливанием Зализина ухитрилась разнести шкаф? А если мне тоже переломать всю мебель, чтобы все увидели, как я страдаю? Ну вот, я опять на неё злюсь, а это глупо!

Но как я могу не злиться: я ведь Ваньку знаю как облупленного! Ему лишь бы кого-нибудь по-

жалеть. Вначале он жалеет, а потом постепенно привязывается и вроде как взваливает на себя ответственность. Может, он и меня тогда жалел из-за этого дурацкого талисмана на носу, а не любил по-настоящему? Вот, опять я начинаю подзревать — да что же это такое?!

Счастлив не тот человек, у которого есть для этого основания, а тот, у кого достаточно жизнелюбия, чтобы радоваться всему, что с ним происходит, и не напрягаться каждую секунду, ожидая удара в спину. Такой человек словно изнутри светится! Весь мир для него — даже если у него в кошельке вместо денег одни дохлые мухи да крошки от хлеба!

Ладно, постараюсь думать о чём-нибудь приятном. Буду радоваться каждому мгновению жизни, и все дела. В конце концов, мне скоро четырнадцать — двадцать пятого января... Между тринадцатью и четырнадцатью огромная разница. Вдруг у меня сейчас потому всё не ладится, что теперь мне чёртова дюжина, а как будет четырнадцать, так вдруг и повалит, а? Интересно, что мне подарят? Может, хоть немного счастья!

Ну всё, пора заговаривать дневник, пока кто-нибудь не прочитал, что я тут пишу. Пяткус куропаткус.

Таня отложила перо и, разминая пальцы, огляделась. В библиотеке у джинна, несмотря на каникулы, кипела жизнь. Первокурсники и второкурсники жались по углам — они были маленькие, забавные

и одновременно страшно важные. Тане не верилось, что она сама не так давно была такой. Некоторые шептались, писали друг другу записочки, рисовали карикатуры на преподавателей или сидели красные, как помидоры, толкая друг друга локтями и едва сдерживаясь, чтобы не расхохотаться. В библиотеке не полагалось громко смеяться, а младшекурсникам всегда почему-то особенно сильно хочется сделать то, чего ни в коем случае делать нельзя.

Другие, более серьёзные, морща от напряжения лбы, учили простенькие заклинания вроде «*Дрыгус-брыгус*» или «*Хан-цан*», пытаясь добиться синхронизации заклинания и искры. Это не так уж просто, если разобраться. Секундой раньше или секундой позже — и всё пойдёт насмарку.

Пятикурсники, эта элита высшей школы, ходили гордые и надутые, обращая на первые четыре курса внимания меньше, чем на нежить. Нежить была нужна им хотя бы для опытов, от младшекурсников же вообще не было никакого проку. Во втором семестре пятикурсники уже не учились. Перед выпуском им предстояло написание диплома. Разумеется, это следовало делать уже сейчас, но большинство, как водится, тянули до последнего момента.

Самые хитрые и ленивые, преимущественно из чёрных магов, ещё с конца осени начинали осаждать джинна Абдулу. Они приносили ему подарки и умоляли дать им уже готовый диплом из защищавшихся в прошлые годы. Сохраняя таинственность, джинн отмалчивался, и лишь бородавки задумчиво дрейфо-

вали, точно сухарики в бульоне, со щеки на лоб и со лба на подбородок. Несимметричные глаза неуловимо скрывались под полузакрытыми веками.

Вдоволь насладившись мучениями бедного тугодума, Абдулла назначал час — обычно поздним вечером, когда в библиотеке никого уже не оставалось, кроме него и просителя. Джинн зажигал витую свечу самого мрачного и подозрительного вида и произносил заклинание — по его меркам небольшое, всего-то в сто строф рифмованных проклятий. По мере того как строфы сменяли одна другую, пол в библиотеке начинал дрожать. Плиты разъезжались, и нерадивый выпускник, сердце у которого колотилось точно у пойманного воробья, видел начало длинной лестницы, уходившей в темноту. Абдулла точно призрак отрывался от пола и медленно плыл вдоль лестницы, маня пятикурсника за собой.

Там, в огромном сухом подвале под библиотекой десятью рядами стояли тысячи гробов. Джинн, в руке у которого дрожал желтоватый свечной огонёк, неплохо улыбался, обозревая своё хозяйство. Затем он подплывал к ближайшему гробу и постукивал по гулкой крышке.

— Хороший диплом — это прежде всего хорошо отлежавшийся диплом!.. Не так ли, юноша? Нервы-то крепкие, а то, может, в сторонку отойдёте? — ехидно спрашивал он.

Неуспевающего студента начинала бить нервная дрожь. Он бледнел, синел, но отважно оставался на месте.

— И носик не зажмёте? Ну ладно!

Абдулла выжидал, наслаждался эффектом и принимался деловито откидывать крышки. Студент, уже полуживой, с облегчением переводил дыхание. В гробах аккуратно, корешок к корешку, лежали переплетённые драконьей и змеиной кожей дипломы.

— Тэк-с, те ряды сразу отбросим — там слишком старые, ещё до Древнира. Битком набиты запрещёнными заклинаниями, хе-хе... Здесь дипломы по нежитеведению с 1789 по 1801 год. Их лучше не использовать — там полно пометок Медузии, к тому же не было случая, чтоб она чего-то забыла... В том чёрном гробике с кистями — дипломы по снятию сглаза с 1607 по 1659-й. С Зуби ещё можно иметь дело, к теории она не придирается, хотя уж больно практику любит. Сглазит кого по теме диплома тройным сглазом — поди выкрутись! А ведь такие случаются лентяи — перекачают, а прочесть свой диплом толком не прочтут!.. Одного Зуби в свинью превратила, так потом всей школой шпик ели — а что делать, раздохрюкался? Обратного уж никак, если три раза с заклинанием ошибся...

Джинн коварно улыбался, что выглядело особенно зловецше, так как рот успевал переползти на лоб, а то и на бритую макушку.

— Поехали дальше! Там вон, в большом дубовом, практическая магия за семьсот лет. И ещё место осталось — мало было желающих Клопу сдавать... Не трогай доски — всё проклято!.. Ах, как мне не хватает профессора Зигмунда! Того недомерка, что сейчас

откликается на его имя, я в расчёт не беру... Ничтожество, сущее ничтожество, хотя порой и мелькнёт в глазёнках что-то прежнее. Недавно попросил меня что-то за ним повторить, сущая лабуда, так я потом три часа с потолка соскребался...

Абдулла вздыхал и отплывал всё дальше в глубь подвала. Ученик, пугливо оглядываясь на смутно белеющую лестницу, покорно плёлся за дрожащим огоньком.

— Вон по теоретической магии семь гробов — у Сарданапала многие защищаются, в основном из беленьких. Он хоть и придирается, и глаза строгие делает, но все знают, что академик всерьёз редко заваливает... Вон тот огромный гроб видишь? Подойди, дёрни за кисть, смелее! Не получилось? Это потому что кисть призрачная! И гроб, кстати, тоже. Тут по истории Потусторонних Миров дипломы... Да не трясись так: Безглазый Ужас особенно никого не режет, тем более если ухитриться и сдавать ему в полдень. Ближе к полуночи не советую. Тут он не только зарежет, но и зарубит, и просверлит, и кровью забрызгает, хе-хе. И когда он цепями гремит — тоже не советую... Не Ужасу сдаёшь, нет?.. Так я почему-то и думал. Тогда дальше пойдём — вон в тех рядах дипломы по ветеринарной магии. Каждый год приходится заводить по новому гробу. Это потому, что Тарараху легко сдавать. Он никогда не запоминает прежних дипломов, удивляется лишь порой — хе-хе! — однообразие научных мнений. Хоть бы читать научился, а то прямо дурачить совестно!.. Даже мне,

хотя я свой стыд ещё тысячу лет назад Повелителю джиннов в кости проиграл.

Абдулла ловил на затылке ускользающий нос и возвращал его на место. Подобно большинству джиннов, он был азартный игрок и готов был поставить на кон что угодно. Вот только золото, жабы бородавки, дырки от бубликов и зелёные мозоли интересовали его мало. Сотканным из тумана джиннам это ни к чему. Ставкой в их игре служили исключительно души, любовь, покой, материнская нежность. На них джинны играли охотно, пока Древнир, одержав над ними победу и получив у посрамлённого Повелителя джиннов его перстень, не связал всех джиннов навеки нерушимой клятвой.

— Душу в залог не дашь, нет? Ну да ладно, так бери. У вас, чёрных магов, души — гниль одна, второй сорт. Да что с ними теперь делать, коль ничего нельзя? — вздыхал Абдулла, и лентяй получал-таки заветный диплом.

Однако большинство пятикурсников всё же писали дипломы сами, не прибегая к уловкам. Шурасик же, хотя учился только на четвёртом курсе, собирался писать сразу пять дипломов — по нежитеведению, теоретической магии, снятию сглаза, истории Потусторонних Миров и ветеринарной магии. Кроме того, он связался с каким-то занудным профессором в Магфорде, у которого, по слухам, после Леонардо да Винчи и Менделеева никто не мог защититься, и попросил тему и у него.

Удивлённый профессор, уверенный, что Шурасик не справится, дал ему тему, название которой едва умещалось на странице и не содержало ни одного понятного нормальному магу слова. Шурасик ухватился за тему с жадностью. У него даже очки запотели от восторга и предвкушения. За полтора месяца вдохновлённый Шурасик накопил сто семьдесят страниц введения и написал развёрнутый план остальных глав, читая который маститый профессор тоже ничего не понял.

В результате родственные души нашли друг друга, и Шурасику уже сейчас, за полтора года до окончания, поступило приглашение из магспирантуры Магфорда. Как было принято в Магфорде, оно было выбито на куске гранита, который из-за его невыносимой тяжести посменно тащили через океан две команды по двенадцать купидонов.

Кстати, левым грузом те же бойкие купидоны захватили для Тани письмо от Пуппера и корзину роз. Расстроенный Гурий, покинувший Тибидохс ещё первого числа, ни с кем не попрощавшись и даже не оставшись на торжественный обед, ни словом теперь не упоминал об этом. Он в выспренной манере информировал Таню, что любит её как и прежде и что абсолютно убеждён в том, что скоро они будут вместе. У Тани письмо Пуппера оставило двойственное и тревожное ощущение. С одной стороны, ей льстило, что Гурий не забыл её. С другой же — было похоже, что Пуппер что-то задумал и теперь настойчиво идёт к своей цели.

«Ах, Пуппер, Пуппер! И хорош ты, и пригож, и метла у тебя красивая... Да только ты не Ванька, и этим всё сказано!» — подумала Таня.

* * *

Перед обедом Таня слетала проведать Гоярына. Оставив контрабас у входа в ангар, она толкнула тяжёлые ворота. Никто из джиннов-драконоухов ей не встретился. Тибидохский дракон был в глубокой спячке. Свернувшись, он лежал на заговорённой от огня соломе. Снаружи его чешуя была покрыта льдом. Таню это не испугало. Она знала, что в состоянии глубокой спячки огонь в драконах полностью потухает. Температура их тела снижается, и они долгие недели, месяцы, а в исключительных случаях и столетия могут неподвижно лежать под снегом, больше напоминая ледяные глыбы, чем пышущих испепеляющим жаром ящеров. И лишь весной, когда проглядывает солнце, холодная кровь драконов постепенно разогревается.

Таня погладила Гоярына по носу, всегда напоминавшему ей футляр контрабаса.

— Не скучай, старый чемодан! Пусть тебе снятся всякие занятные сны, такие же скрипучие, как ты сам! До весны! — сказала она.

Таня уже выходила из ангара, когда Гоярын шевельнулся во сне и приоткрыл глаза. Лёд на его шее покрылся сетью трещин. До конца не просыпаясь, дракон глубоко вздохнул и вновь положил тяжёлую морду на солому.

Таня закрыла ангарные ворота. Огромное дракон-
 большое поле покрывал глубокий снег. По насту к За-
 поведной Роще пробежала весёлая дорожка заячьих
 следов. Было безветренно и солнечно. Небо, обычно
 низкое, очистилось и было таким пронзительно и без
 примесей синим, что, нарисуй такое кто на картине,
 критики сочли бы его неестественным и фальшивым.
 А между тем это было самое настоящее небо. Снег
 сиял так, что слезились глаза.

Тибидохс казался плоским, точно вырезанным из
 гигантского куска шершавого картона. На дубе, за-
 гадочно улыбаясь, сидела птица Сирина. Её мощные
 загнутые когти поразительно не сочетались с одухот-
 ворённым и прекрасным женским ликом, точно со-
 шедшим с фресок.

Таня хотела было подойти к вещице птице и попро-
 сить предсказать судьбу, но раздумала. Она побаива-
 лась знать всё наперёд, к тому же Сирина питалась от-
 нюдь не вегетарианской пищей и была равнодушна
 к сырому мясу.

Таня уже проходила мимо, как вдруг птица Сирина
 встрепенулась и произнесла:

*В любви ты только боль найдёшь,
 Коль не предашь, то путь пройдёшь.*

*Все деньги — ложь, всё золото — бред,
 Важнее крови платы нет.*

*Когда платить придёт пора —
 За всё лишь жизнь одна цена.*

*Когда на плахе голова,
 Себя забудь — ищи слова.*

*Когда утащит вор у вора —
Пророчество свершится вскоре.*

Таня Гроттер с беспокойством оглянулась. Она подумала, возможно, Сирин обращается к кому-то ещё. Но рядом никого больше не было. Сирин молчала и отрешённо смотрела на солнце. Она часами могла смотреть на солнце не щурясь.

Невесело размышляя о туманных пророчествах, Таня отправилась в соседний ангар навестить молодых драконов.

«Эх, почему мне так легко с драконами и так тяжело с людьми? Нет, всё-таки я какая-то не такая. Неправильная какая-то. Может, я должна была родиться драконом, тигром или собакой и только по ошибке родилась человеком? Бывают же такие удручающие ошибки!» — думала Таня, вспоминая лекцию заезжего восточного мага, чьё имя было таким длинным, что целиком его помнил только джинн Абдулла.

Ртутный, Пепельный, Искристый, Огнемётный, Дымный и другие сыновья Гоярына, в отличие от своего знаменитого отца, не впадали в спячку. Они были для этого слишком горячими. Никакой мороз не мог остудить их кипящую кровь. Нетерпеливо дожидаясь, пока джинны принесут им ртути и выведут полетать, они ревели, кусались, подскакивали, сталкивались грудью, ударяли друг друга крыльями, выпускали струи дыма пополам с огнём и колотили хвостами в гулкие стенки ангара.

Заглянув к ним, Таня закашлялась от едкого дыма и поспешила поскорее выйти наружу. Молодые дра-